

ЛЕЖОН КАРРЕ

MASTER**DETECTIVE**

JOHN LE CARRÉ

**A DELICATE
TRUTH**

MASTERDETECTIVE

ДЖОН ЛЕ КАРРЕ

ОСОБЫЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА

Перевод с английского
Александры Головиной

издательство АСТ

Москва

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
Л33

Художественное оформление и макет АНДРЕЯ БОНДАРЕНКО

Ле Карре, Джон.

Л33 Особые обстоятельства : роман / ДЖОН ЛЕ КАРРЕ ; пер. с англ. А. Головиной. — Москва : Издательство АСТ : CORPUS, 2017. — 416 с. (Master Detective)

ISBN 978-5-17-084790-7

Новый роман классика шпионского жанра Джона Ле Карре (р. 1931) единодушно признан публикой очередным шедевром писателя. В основу сюжета книги легла сверхсекретная операция в Гибралтаре, проведенная британскими и американскими войсками и направленная — предположительно — против крупного террориста. В министерстве иностранных дел было объявлено о ее успешном исходе, а участники удостоены почестей... Но как все обстоит на самом деле? В чем состоит правда об этой операции, столь тщательно скрываемой? Расследование берут в свои руки двое министерских служащих — оба они люди вовсе не героического склада, но считают делом чести и совести вывести на свет истину о секретной операции, обернувшейся провалом и позором, и рискуют своей карьерой, свободой и даже жизнью.

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-084790-7

- © David Cornwell, 2013
- © А. Головина, перевод на русский язык, 2017
- © А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2017
- © ООО “Издательство АСТ”, 2017
- Издательство CORPUS ®

И новая весна к любви неотвратимо добавляет
То, что зима убавить не вольна¹.

Джон Донн

1 Строки из стихотворения Джона Донна “Растущая любовь” в переводе Г.М. Кружкова. (Здесь и далее — прим. перев.)

Если человек говорит правду, рано или поздно
его обязательно разоблачат.

ОСКАР УАЙЛЬД

1

Поджарый и гибкий мужчина слегка за пятьдесят без усталости мерил шагами комнату на втором этаже ничем не примечательного отеля Британского Гибралтара. Вполне приятные и даже благородные черты лица типичного англичанина в этот момент выдавали в нем холерика, доведенного до ручки. Сторонний наблюдатель, взглянув на согбенную спину, размашистую походку и непослушную седоватую шевелюру, которую мужчина то и дело поправлял костлявой рукой, решил бы, что перед ним свихнувшийся профессор. И уж конечно, никому даже в самых смелых фантазиях не пришло бы в голову, что этот чудак — британский чиновник средней руки, которого выдернули из-за рабочего стола в одном из скучнейших отделов министерства иностранных дел, чтобы в обстановке строжайшей секретности доверить ему выполнение сверхважного задания.

Звали мужчину, как неоднократно твердил он самому себе и иногда даже вслух, Полом. Фамилия — Андерсон — оказалась чуть проще для запоминания.

Стоило ему включить телевизор, на экране появлялась дежурная надпись: “Добро пожаловать, мистер Пол Андерсон. Почему бы вам не отведать бесплатный аперитив в нашем ресторане «Каморка лорда Нельсона»!” Такого педанта, как Андерсон, чрезвычайно раздражал неуместный восклицательный знак вместо знака вопроса. За последние семьдесят два часа он вылезал из белого отельного халата только лишь при попытке уснуть (безуспешной), да еще когда в неурочное время пробрался пообедать в ресторанчик на крыше, где отвратительно пахло хлоркой, — ветер доносил ароматы бассейна, расположенного на третьем этаже здания напротив. Халат, как и почти все остальное содержимое номера, был ему короток, насквозь пропитался застарелым сигаретным дымом и лавандовым освежителем воздуха.

Вышагивая по спальне, мужчина не стеснялся в выражении своих чувств, столь нежелательных на его службе. В высоком зеркале, намертво привинченном к стене, обклеенной клетчатыми обоями, отражалось его лицо — то озадаченное и нахмуренное, то довольное и даже сияющее. Он то и дело обращался с монологом к самому себе, пытаясь то ли убедить, то ли утешить. И какая разница, говорил ли он про себя или вслух — все равно в комнате, кроме него, никого не было, за исключением поблекшей фотографии в рамочке с изображением юной королевы верхом на бурой лошади.

На покрытом оргстеклом столе лежали остатки клубного сэндвича, при взгляде на который у него в голове всплывала фраза “мертв по прибытии”, и полупустая бутылка из-под колы. С тех самых пор как он, заселившись в отель, принял нелегкое решение отказаться

от алкоголя, мужчина строго его придерживался. Кровать, к которой он успел проникнуться искренней и горячей ненавистью, отличалась гигантскими размерами и чудовищно неудобным матрасом. Он прилег на нее лишь разок, и спина сразу же ему за это отомстила.

На кровать было брошено кричаще-малиновое покрывало из искусственного шелка, а на покрывале лежал вполне невинный с виду мобильный телефон, нашпигованный, как утверждалось, сверхсекретными технологиями шифрования. Мужчина в них не особо верил, но все же склонялся к мысли, что телефон и впрямь непростой. Каждый раз, проходя мимо кровати, он бросал на мобильник взгляды, полные надежды, отчаяния и укоризны.

“Очень сожалею, Пол, но на протяжении всей миссии вас придется ограничить в общении — исключительно в интересах работы, — зазвучал у него в голове чеканный южноафриканский акцент Эллиота, его самоназначенного полевого командира. — Если же во время миссии у вашей чудесной семьи возникнут какие-либо затруднения или проблемы, им будет предложено обратиться за помощью в отдел социального обеспечения вашего министерства, после чего с вами немедленно свяжутся. Вы все поняли, Пол?”

Да, Эллиот, потихоньку начинаю понимать.

Добравшись до огромного панорамного окна в дальнем конце комнаты, мужчина сквозь грязноватые тюлевые занавески посмотрел наружу. За окном вдаль возвышалась знаменитая Гибралтарская скала. Желтовато-землистая, вся в складках, она походила на злобную старуху. То ли по привычке, то ли просто из нетерпения он в очередной раз взглянул на непривычные часы на запястье и сравнил время на них с зе-

леными цифрами электронного будильника у кровати. Потертые стальные часы с черным циферблатом сменили его золотые “Картье”, подарок любимой жены на двадцать пятую годовщину свадьбы. Она купила их, получив наследство после смерти одной из многочисленных тетушек.

Да нет же! У Пола нет никакой жены! *У Пола Андерсона нет ни жены, ни дочери.* Пол Андерсон (будь он проклят) — отшельник!

— Пол, милый, ну мы же не можем допустить, чтоб ты ходил в таком виде, — говорила заботливая женщина примерно его возраста целую жизнь назад, в домике из красного кирпича близ аэропорта Хитроу. Вдвоем с коллегой — похожие, как сестры, — они кудахтали вокруг него, переодевая и готова к важному заданию. — Тут же инициалы вышиты — очень мило, но так нельзя. Сразу ведь понятно, что инициалы на белье бывают только у женатиков, верно, Пол?

Твердо решив вести себя, как подобает хорошему и приятному в общении человеку, он вежливо посмеялся. Женщина подписала клейкий ярлык именем “Пол” и, забрав у него золотые часы и обручальное кольцо, убрала все это в небольшой сейф. Как она выразилась — *“на пока что”*.

Господи, как меня вообще занесло в эту дыру?

Упал я сюда сам или меня подтолкнули? Или и то, и другое?

За несколько тщательно вымеренных кругов по комнате опишите точные обстоятельства, при которых вы

из прекрасной скучной жизни перенеслись вдруг в камеру одиночного заключения на британской колониальной скале.

— А как поживает ваша дорогая бедняжка-жена? — спросила пожилая, но еще не древняя Снежная Королева, возглавлявшая у них отдел кадров, недавно за каким-то чертом переименованный в департамент по работе с персоналом. В тот прекрасный пятничный вечер, когда все приличные люди торопились домой, кадровичка без каких-либо объяснений вызвала его к себе в кабинет на высоком этаже. Они издавна враждовали, и если между ними и было что-то общее, так это лишь чувство, что таких, как они, на свете осталось совсем немного.

— Спасибо, что спросили, Одри, — ответил он. — Рад сообщить, что на бедняжку она ничуть не тянет. — Для таких бесед, вовсе не безобидных, как могло показаться на первый взгляд, он приберегал особый тон, нарочито несерьезный. — “Дорогая” — это верно, но никак не бедняжка. К счастью, у нее полная ремиссия. А вы? Цветете и пахнете, смею надеяться?

— Значит, вы сможете отлучиться из дома, — заметила Одри, проигнорировав его вопрос.

— Боже ж ты мой, конечно, не смогу! Как же мне ее покинуть? — хохотнул он, ни на минуту не выходя из образа беззаботного шутника.

— Очень просто. Подумайте, не прельстит ли вас перспектива провести в полной тайне от всех четыре, *в крайнем случае* пять дней за границей, в чрезвычайно полезном для здоровья климате.

— Как ни удивительно, Одри, такая перспектива представляется мне весьма заманчивой. Сейчас у нас дома живет дочь, так что я буду весьма рад возможности уехать, учитывая то, что она у нас доктор, — не сдержавшись, гордо добавил он. Впрочем, Одри не впечатлили достижения его дочери.

— Я не знаю, с каким поручением вас посылают. Собственно, я и не должна этого знать, — продолжила кадровичка, отвечая на незаданный им вопрос. — Вы, может, слышали: у нас в верхах появился новый помощник министра по фамилии Квинн. Энергичный такой. Он желает с вами познакомиться и как можно быстрее. Если вы не в курсе — вдруг до вашего отдела математических вычислений новости еще не дошли, — он у нас теперь новая метла и метет тоже по-новому. Перешел сюда из министерства обороны. Прямо скажем, не фонтан, но что поделать.

Что же это она такое несет? Разумеется, он был в курсе *таких* новостей. Он же читает газеты. И вечерние выпуски новостей тоже не пропускает. Фергус Квинн, член парламента, известен миру как Ферги. Шотландец, скандалист, интеллеktуал-выскачка из когорты новых лейбористов. Перед камерами криклив, агрессивен и склонен к нагнетанию конфликтов. Мало того, он еще и называет себя “бичом в руках народа”, направленным против правительственных бюрократов. Похвальные намерения, особенно если глядеть на все это с должной дистанции. А вот если ты сам — правительственный бюрократ, перспективы сразу становятся не такими радужными.

— “Как можно быстрее” — это когда? — уточнил он. — Сейчас, что ли?

— Как мне кажется, именно это он и имел в виду, говоря “как можно быстрее”, — ответила Одри.

Приемная министра была пуста. Все сотрудники давно разошлись по домам. Дверь красного дерева, толстая и надежная, была приоткрыта. Постучать и подождать, пока позовут? Или постучать и войти? Он выбрал какой-то промежуточный вариант.

— Да не стойте там, — послышался голос. — Заходите и закройте за собой дверь.

Он вошел внутрь.

На молодом энергичном министре оказался тесный темно-синий смокинг. Он стоял перед мраморным камином, в котором ярко-красная фольга имитировала горящие угли, и прижимал к уху мобильный телефон. В реальности он оказался таким же, как и в телевизоре: плотным, с бычьей шеей, короткими рыжими волосами и быстрыми, жадными глазками на лице типичного боксера.

За ним возвышался трехметровый портрет восемнадцатого века с изображением какого-то государственного чина в лосинах. Перенервничав, он невольно принялся сравнивать двух столь разных на первый взгляд господ. Хотя Квинн то и дело заявлял о своей близости к народу, в его повадках сквозил такой же высокомерный снобизм, что и у мужчины с портрета. Оба стояли, перенеся вес на одну ногу и отведя в сторону согнутое колено другой. Может, энергичный молодой министр тоже хочет развязать войну с гнусными лягушатниками? Или осадить глупых улюлюкающих мужланов, жаждущих крови? Но министр не сделал ни того, ни другого. Слегка улыбнувшись своему посетителю, он коротко бросил в трубку:

— Я тебе перезвоню, Брэд. — И, закончив звонок, энергично потряс его руку.

Захлопнув дверь, Квинн запер ее и повернулся к нему.